

УДК 930.1

СТЕФАН БАТОРИЙ КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ В ОЦЕНКЕ Н.М. КАРАМЗИНА

Т.Т. Кручковский

УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»
г. Гродно, Республика Беларусь

В данной статье автор рассматривает оценки Н.М.Карамзиным короля Речи Посполитой Стефана Батория как исторической личности. Эти подходы Карамзина исследуются в рамках его общей концепции российско-польской истории и истории ВКЛ.

The author examines N.M.Karomsin's evaluation of Stefan Batory, the king of Rzech Pospolita as a historic personality. These approaches are investigated in the network of the general conception of Russian-Polish relations and the History of the Great Duchy of Lithuania.

По мнению Н.М. Карамзина, с воцарения в Речи Посполитой Стефана Батория начинается новый и весьма трагический в своих последствиях для польско-русских отношений период соперничества России и польско-литовского государства. Именно этот король Польши стал для русского историка, наряду с такими московскими князьями как Иван III и Василий III или впоследствии Петр I, или Екатерина II, образцом идеального правителя. Следует отметить, что в рамках своих исследовательских задач различные аспекты исторической деятельности Стефана Батория косвенно рассматривались исторической наукой [5; 7-11]. Вместе с тем в данном ракурсе комплексного исследования заявленной нами проблематики не существует.

Описывая начало управления Батория в Польше, Карамзин отмечал, что он принял правила управления страной, согласно тогдашнему польскому общественному строю: «дав торжественное обязательство свято соблюдать договор Генрихов и все уставы республики», а также приняв ряд международных обязательств: заключить союз с Оттоманскою империею, смирить хана, освободить мечом или выкупить всех христианских пленников в Тавриде, оградить безопасность государства крепостями, всегда лично предводительствовать рати» [1, с. 118]. И главное для рассказа историка о предстоящей войне с Москвою, причем с весьма характерной оговоркой: – «снова присоединить к Литве все ее земли, завоеванные царями московскими, если сенат и народ хотят войны с Россиею» [1, с. 118]. По мнению Карамзина, эта программа нового короля смогла объединить польское общество: «Раздоры кончились; недовольные умолкли. Польша и Литва единодушно воскликнули: да здравствует король Баторий» [1, с. 118].

Карамзин отмечал, что Баторий умел управлять как истинный повелитель: «утвердил тишину, безопасность, терпимость вере: исповедуя римскую, приобрел любовь и лютеран и кальвинистов; снискал доверенность султана и в то же время оказывал важные услуги императору; и не менее отличался и храбростью, сведениями в науках» [1, с. 118]. Исходя из этих качеств, Карамзин сделал заключение, благоприятное для Польши в условиях войны с Россией: «Одним словом, усердные к государственному благу поляки не могли желать достойнейшего венценосца» [1, с. 118].

Историк подчеркивал также то обстоятельство, что Баторий в войне с Россией действовал как политический прагматик и готов был обращаться за помощью к разным силам, в том числе и к мусульманской Турции: «Не обольщая себя излишне надеждою на собственный силы, Баторий требовал вспоможения от других держав, от султана и папы»! [1, с. 118]. Таким образом, Баторий в описании Карамзина представлен как выдающийся политик и полководец: «сей опасный враг, изъявляя нам миролюбие, в то же время предлагал варшавскому сейму необходимость утвердить оружием безопасность государства», который сумел подчинить себе или привлечь на свою сторону строптивную польско-литовскую шляхту, не понимающую государственных интересов своего государства. Такой преобладающей государственной задачей для Речи Посполитой времен Батория, по его мнению, было объединение сил для победоносной войны с Москвою, как главного внешнеполитического соперника.

Талант полководца, в представлении Карамзина, проявился в том, что Баторий не только сумел доказать правильность ведения войны с Россией, начав борьбу за Полоцк, а не в опустошенной Ливонии, но и успешно повел за собою свою разрозненную армию [1, с. 141]; умел постоянно ставить в тупик московское войско своими неожиданными ходами, сравнивая короля с Витовтом по манере искусства ведения войска: «Неприятель шел болотами и лесами дикими, где 150 лет не ходило войско, где только Витовт в 1428 году умел открыть себе путь к областям новгородским и где некоторые места еще назывались его именем. Баторий, подобно Витовту, просекал леса, делал гати, мосты, плоты, сражался с трудностями, терпел недостаток» [1, с. 149.]

Даже при таком составе войска, как отмечал Карамзин, противопоставляя методы ведения войны Батория и Ивана Грозного, польский король вел войну совершенно иначе, чем московский царь: «объявил, что извлекает меч на царя московского, а не на мирных жителей, коих будет щадить, миловать во всяком случае; что, любя доблесть, гнушается варварством, желает победы, и не разрушения, не

кровопролития бесполезного» [1, с. 141]. Описывая занятие Полоцка «древний наш Полоцк, удел племени Владимирова и Рогнеды», он отмечал, что польский католический король «указав строить там великолепную церковь римского исповедования, оставил Софийскую христианам греческим; дал им в епископы бывшего святого витебского и грамотою утвердил свободу нашей веры, имея в виду дальнейшие завоевания в России и желая угодить ее народу, сею благоразумною терпимостью вопреки, своим любимцам, иезуитам, коим он дал тогда богатые местности и земли в Белоруссии, с обязательством исправлять нравы жителей учением и примером» [1, с. 144].

В результате царствования кровавого тирана Ивана Грозного все остальные составляющие его концепции могущества России, по Карамзину, – наличие самодержавия в стране, а также покорного и верного народа, не смогли победить заранее более слабого противника – Речь Посполитую, но возглавляемую великим государственным деятелем и полководцем – Стефаном Баторием. Данное положение Карамзин облекал в весьма выразительную и эмоционально представленную формулу: «Россия казалась слабою, почти безоружною, имея до восьмидесяти станов воинских или крепостей, наполненных снарядами и людьми ратными; сверх того многочисленные воинства полевые, готовые устремиться на битву!» [1, с. 151].

Мнение историка об унижении царя и этим самым и величия России касалось предложения о мире к Баторию и просьб о помощи к папе и немецкому императору. Это положение звучит довольно удивительно из уст историка, понимающего проигрышность войны. Однако, если мы оценим ее с точки зрения Карамзина о величии России, о недопустимости уступить «ни пяди своей земли», о признаке величия как постоянного расширения владений России, то все становится на свои места. Карамзин, понимая неотвратимость поражения и описывая его, не мог, однако, с ним внутренне смириться, испытывая от этого явно душевную боль.

Однако главное унижение величия России, по его мнению, это обращение к папе: «жаловался папе на злобу и вероломство Баториево; предлагал ему усовестить, отвести его от ненавистной связи с турками; уверял, что ревностно желает вместе со всеми европейскими государями ополчиться на султана и быть для того в непрестанных дружественных сношениях с Римом» [1, с. 149].

Еще более, согласно описанию Карамзина, были унижительными для величия России переговоры с польской стороной. Согласно его

мнению, в ходе переговоров Иван Грозный становился «более и более снисходительным» и начал не просто уступать – «именовал Стефана братом», но и допускать унижение величия царской власти: «жаловался, что литовцы не престають тревожить Россию нападениями; молил его не собирать войска к лету» [1, с. 152]. Действием, вызвавшим, по мнению историка, наибольшее унижение России, было послание к польскому королю для переговоров думных дворян Пушкина и Писемского, которым велел «не только быть смиренными, кроткими в переговорах, но даже (неслыханное унижение) терпеть и побою! Так Иоанн пил чашу стыда, им, а не Россиею заслуженного!» [1, с. 153]. Трудно что-либо добавить не только к такому комментарию, но и московским представлениям о ведении международных переговоров. Вообще о польско-литовском государстве, как мы уже видели, Карамзин неоднократно высказывался в весьма пренебрежительном тоне. Объясняется это как его ретроспективным взглядом на результат исторического соперничества России и Польши, так и его общей негативной оценкой польского шляхетского общественно-государственного устройства [2]. Даже на примере победной для Речи Посполитой Ливонской войны, Карамзин не один раз на страницах своей «Истории» показывал, как по данной причине часто не мог действовать по своему усмотрению такой великий король, каким был для Польши Стефан Баторий. Так, описывая поход польского короля на Псков, в числе неблагоприятных обстоятельств он называл не только климатические условия, но и главное – политический характер польско-литовского государства: «В Вильне граждане и дворянство встретили его с громогласными благословениями, а в Варшаве многие паны с мрачными лицами и с ропотом неудовольствия – те, которые любили законную и незаконную власть свою более отечества разслабленного их своевольством, негою, корыстолюбием. Великих мужей славят и злословят: уstraшенные сильною волею, сильными мерами короля, паны жадовались на его самовластие» [1, с. 157].

Ям-Запольский мирный договор 1582 года России с Речью Посполитой Н.М.Карамзин оценивал весьма критично: «В первый раз мы заключили мир столь безвыгодный, едва не бесчестный с Литвою». Иван Грозный воевал «24 года непрерывно, чтобы медленно, шаг за шагом, двигаться к цели – изгубив столько людей и достояния, повелевая воинством отечественным, едва не равносильным Ксерксову, вдруг все отдал, и славу и пользу, изнуренным остаткам разноплеменного сонмища Баториева» [1, с. 167].

В описании героической обороны Пскова Карамзин, вслед за московскими политическими источниками, акцентирует внимание на религиозном характере российско-польского противостояния [1, с.164-167]. Эта тенденция особенно отчетливо прослеживается в текстах, посвященных походам Стефана Батория на Россию. Столкновение двух держав из-за спорных территорий представляется битвой православных с некими не вполне определенными иноверцами, обороняемый город Псков изображается как богоспасаемый, богохранимый [4].

Как видим, историк явно эмоционально подходил к описанию условий мира с Польшей, считал его унижительным для величия России и это притом, что, по мнению Карамзина, потерять она могла значительно более обширные территории. Историк явно учитывал в числе потерь и потери перспективы овладения Россией Ливонии и ВКЛ и выхода к берегам Балтики. Как видим, историк придерживался положения о постоянном расширении границ России и принципа, впоследствии зафиксированного им в «Записке о Польше» – «Ни пяди своей земли не отдадим» [6]. Исходя из этих идей, как нам представляется, Карамзин и дал исключительно высокую оценку польскому королю Стефану Баторию, как полководцу и государственному деятелю, который не только мог остановить рост могущества России, но и имел возможность предотвратить создание ее империи. При этом Н.М. Карамзин весьма нетрадиционно для последующей русской исторической науки первым ставил вопрос о возможности Польши в период Стефана Батория, используя слабость России при тирании Ивана Грозного, решить в свою пользу многовековое соперничество Москвы и Речи Посполитой. Он отмечал: «Если бы жизнь и гений Батория не угасли до кончины Годунова, то слава России могла бы навеки померкнуть в самом первом десятилетии нового века: столь зависима судьба государств от лица и случая, или от воли Провидения!» [3, с.39], но и дать Речи Посполитой возможность последовательно строить свое внешнеполитическое могущество, в том числе путем подчинении или соединения своего государства с Москвою. Исходя из этого, Баторий в интерпретации историографа, представлен как идеальный правитель, несмотря на его борьбу с Россией, которая его уважала, так он только выполнял свои обязанности монарха и пытался осуществить возможные новые внешнеполитические перспективы своей страны. Эти новые перспективы Речи Посполитой историк, согласно нашему мнению, в своей интерпретации понимал как возможность геополитического подчинения новых территорий, в том числе и России. Именно поэтому,

считал он, его больше оценили в России, чем в Польше: «Один из знаменитейших венценосцев в мире, один из опаснейших злодеев России, коего смерть более обрадовала нас, нежели огорчила его державу, ибо мы боялись увидеть в нем нового Гедимина, нового Витовта, а Польша и Литва неблагодарные предпочитали дешевое спокойствие драгоценному величию» [3, с. 39]. Последнее сочетание «дешевое спокойствие» и «драгоценное величие» в отношении Польши и России Карамзина, согласно нашему мнению, наиболее образно передает предпочтения и приоритеты официального историографа, оказавшего столь существенное влияние на последующую русскую историческую науку.

Данная высокая оценка Н.М. Карамзиным деятельности Батория и его исторической личности, а главное оценка возможных перспектив победы Речи Посполитой в соперничестве с Россией уникальна не только для российской официальной историографии, но и вообще для всей русской исторической науки периода XIX – начала XX веков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карамзин, Н.М. История государства Российского / Н.М. Карамзин. – М., 1908. – Т. IX.
2. Кручковский, Т.Т. Польская проблематика в русской историографии второй половины XIX в. / Т.Т. Кручковский // Наш радавод. – Гродно, 1994. – Кн. 6. – Ч. 2. – С. 218–417.
3. Карамзин, Н.М. История Государства Российского. / Н.М. Карамзин. - Ростов-на-Дону, 1990. Т. X.
4. Флоря, Б.Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. / Б.Н. Флоря. - М., 2005. – 416 с.
5. Błachowska, K. Narodziny imperium. Rozwój teritorialny państwa carów w ujęciu historyków rosyjskich XVIII i XIX wieku / K. Błachowska. – Warszawa, 2001. – 310 s.
6. Карамзин, Н.М. Мнение русского гражданина / Н.М. Карамзин // Неизданные сочинения и переписка Н.М. Карамзина. – СПб., 1862. – С. 3–20.
7. Кручковский, Т.Т. Н.М. Карамзин о религиозном факторе в отношениях Москвы и ВКЛ в XIV – начале XVI веков / Т.Т. Кручковский // Хрысціянства у гістарычным лесе беларускага народа. – Гродна, 2009. – С. 18–24.
8. Стэфан Баторы ў гістарычнай памяці народаў Усходняй Еўропы. / Под ред. Д.В. Карева. – Гродна, 2004.
9. Serejski, M. Europa a rozbiory Polski / M. Serejski. - Warszawa, 1970. –518 s.
10. Кручковский, Т.Т. Стефан Баторий и его эпоха в интерпретации русской историографии XIX – нач. XX вв. / Т.Т. Кручковский // Стэфан Баторы ў гістарычнай памяці народаў Усходняй Еўропы. – Гродна, 2004. – С. 149–165.
11. Кручковский, Т.Т. Польско-русского соперничество во времена Стефана Батория в оценке Н.М. Карамзина / Т.Т. Кручковский // Шлях да узаемаці. – Гродна: ГрДУ, 2009. – С. 243 – 257.